

ALEXANDER КУПРИН

РАССКАЗЫ НЕВОЗВРАЩЕНЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Alexander Куприн
Рассказы невозвращенца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куприн А.

Рассказы невозвращенца / А. Куприн — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-03881-3

В книге автор - бывший сотрудник уголовного розыска, бежавший из СССР на Запад, делится эпизодами своей необычной жизни и рассказами о людях, с которыми столкнула его судьба. С историей учительницы в уральском поселке здесь соседствует убийство наркодилера в Лос-Анжелесе, за арестом вора в швейцарском бутике следуют ужасы революции в ЮАР. Как и предыдущие остросюжетные романы писателя "Бармен из Шереметьево" и "Свободен как ветер", рассказы содержат множество интересных, подчас шокирующих деталей, но при этом они пронизаны мягким юмором и иронией. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03881-3

© Куприн А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

История любви	5
Карась	7
Сенькина жизнь	8
Свердловский зоопарк сквозь судьбы Родины	14
Умер Брежнев	15
Римма	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Alexander Куприн

Рассказы невозвращенца

История любви

Случилось мне, значит, в немыслимо уже далеких восьмидесятых попасть в казарму Челябинской межобластной школы милиции. Что означает межобластная? Ну, типа – всесоюзная. Туда отправляли выпускников технических вузов, решивших попридержать свой вклад в развитие народного хозяйства, а пока поискать себя в уюте милицейских кабинетов. Днем нас гоняли в тир, в спортзал, на плац, и время пролетало пулей, но вот длинные осенние вечера в казарме были невыносимы. Уже на сто раз пересказаны анекдоты и прочие жизненные истории, но не станешь ведь до самого отбоя смотреть в окно на серый дождик индустриального Челябинска? Но вот слово берет выпускник Туркменского госуниверситета, курсант Оразмухаммед Бердыев:

– А хотите, про любовь расскажу?

Я так лбом в стекло и треснулся от неожиданности. Но все молчат – тема-то стремная. Не казарменная тема-то, да и не ментовская вовсе.

– Ну расскажи, брат Бердыев, – говорю я неуверенно.

И он начинает.

Есть у него в деревне осел. Старый рабочий осел. Лет ему немало, упрям невероятно, но службу свою ослиную несет без нареканий и жрет умеренно.

– А как зовут-то? – бесцеремонно вторгается кто-то из самого угла.

– Так зачем звать? Ведь не слушает он все равно. Надо за веревка тащить.

– Не, ну имя-то есть у него?

– Ишак же. Зачем ему имя? – снисходительно отвечает рассказчик.

И продолжает.

А дом Бердыевых стоит на самом краю деревни Гарауль. Сразу за домом – большой оросительный канал. Оразмухаммед долго и обстоятельно рассказывает, как строился этот канал, как бульдозеры вязли в песке, как на дно канала стелили толстую полиэтиленовую пленку, как с непривычки в воду падали и тонули дикие сайгаки, но потом научились пить не падая. Никто рассказчика не перебивает, хоть он и ушел от романтики в унылые будни соцстроительства. Делать-то один хрен нечего, а до отбоя далеко. Но вот канал с горем пополам построен, и рассказчик возвращается, собственно, к любви. Однажды он заметил в своем подопечном на первый взгляд незначительную, но странную перемену – у старого ишака приподнялись уши, до этого годами безжизненно висевшие. Тут вся казарма затихла, и стало слышно, как по жестяному подоконнику снаружи барабанит дождь. Дальше – больше: ослик начал уклоняться от службы, укусил бабушку и вообще стал проявлять склочный, антисоциальный характер, не подобающий сознательному советскому ослу. Уши его с каждым днем медленно, но неуклонно поднимались, мутные прежде глаза заблестели, и вот однажды он запел, повернув морду к каналу.

– Как это запел? – выплеснул я немного здорового скепсиса. Бердыев повернулся ко мне, глаза его наполнились слезливой тоской, он закинул голову, и по казарме понеслось протяжное: «И-и-и-и-й-й-я-я-а-а!» Тут же в коридоре загремели сапоги, и показался перепуганный дневальный.

– Тс-с-с, – замахали на него руками очарованные слушатели. – Иди, иди осюдова на пост! – Но тот не ушел, заинтригованный, а ступил внутрь и прикрыл за собой тихонько дверь.

Любовь. Невидимая постороннему глазу, всепоглощающая, бессмертная любовь разливалась между тем в насыщенном песочной пылью воздухе совхоза Гарауль. Довольно скоро Бердыев выяснил, что на другом берегу канала приезжие творческие люди снимают кино. Они разбили немаленький лагерь, и среди камер, машин, проводов, синего автобуса, полевой кухни и прочей атрибутики есть у них в штате две ослицы для подвозки всякой всячины. К ним-то и воспылал удаленно старый заслуженный ишак. Им ушастый Ромео и песни пел. Еще через неделю он начал перепрыгивать изгородь и болтаться вдоль берега, но в воду войти не решался, даром что осел. Привести его обратно становилось все труднее – он огрызнулся и сам в ответ кричал непотребности на ослином. Потерявший всякое терпение Оразмухаммед решил его привязать. На беду в это время в деревню привезли баллоны с газом. Требовалось незамедлительно сделать четыре ходки с пустыми баллонами для замены их на полные – всегдашняя ослиная работа. Но влюбленный забастовал.

– Я бил его палкой – толко пыл пошел.

Вот, – подумал я рассеянно и с некоей даже гордостью, – говорит туркмен по-русски через пень-колоду, а слова какие редкие знает – «пыл прошел». Вот что значит наша родная советская школа! Но из дальнейшего повествования сделалось ясно, что от ударов палкой из ослика пошла пыль. Пыл же его вовсе не прошел. Больше того – ночью осел перегрыз веревку и бесследно исчез. Тут Бердыев сделал паузу, а мы скоренько сунули дневальному в руки чайник и отправили за водой, чтобы послушать развязку под ароматный грузинский чай с опилками. Но, подобно влюбленному ослу, дневальный не слушался – чайник взял, поставил под ноги, а идти отказался. Очень хотелось и ему узнать все перипетии ослиной любви.

Долго ли, коротко ли... но через несколько дней наш ослик вернулся. Пришел сам. Бердыев даже показал, как это выглядело – прошел, виновато глядя в пол и ритмично раскачиваясь в стороны, между рядами кроватей, а к ушам приложил свои ладони пальцами вниз. Опустились, значит, уши. Был герой-любовник худ, грязен и густо облеплен репьями да колючками. Самое же главное – он улыбался!

– Как улыбался? – опять раздался богомерзкий голос из угла.

– А вот так, – ответил рассказчик и улыбнулся по-ослиному, при этом углы рта были опущены вниз. Это была настоящая ослиная улыбка. Как он это сделал, я, к сожалению, передать не могу – тут нужен настоящий писательский талант. Могу только сказать, что черные туркменские глаза его в этот момент светились смесью счастья и гордости за своего безымянного ослика.

Вот такая Love Story.

Карась

В моем милицейском кабинете на подоконнике стояла трехлитровая банка, и в банке этой жил карась. Был он жизнерадостен и неприхотлив. Жрал хлеб, но без особенного удовольствия. Больше даже не жрал, а умничал. Несъеденный хлеб разбухал и опускался на дно, смешиваясь с карасьими какашками. Вода, соответственно, портилась. Я тогда был молодой, смекалистый и быстро понял, что кормить рыбину надо через три дня на четвертый. Это дало превосходный результат – карась жадно сжирал хлеб, и вода, желтая водопроводная вода Свердловска восьмидесятых, оставалась относительно чистой. Так мы и жили, душа в душу, до того дня, когда мне пришлось внезапно улететь в Москву на семь дней...

В кабинете воняло. Из зелено-серой воды овалом торчало побелевшее карасье пузо. В глубокой печали, на вытянутых руках я скорбно понес банку вдоль длинного казенного коридора – прямиком в сортир. Реквием по усопшему и слегка завонявшему другу звучал в ушах моих. Однако вывалить в унитаз и смыть покойного мне не удалось. По счастью, в единственной кабинке кто-то гадил, и дверь была заперта. Мне ничего не оставалось кроме как выплеснуть содержимое банки в умывальник. И тут рыба ожила – принялась укоризненно бить в раковине хвостом! Очень я тогда обрадовался. Возликовал прямо. Отмыл страдальца от слизи, наполнил банку свежей рыжеватой хлорированной водой и отнес другана обратно на подоконник. Там он жил еще довольно долго, меланхолично разглядывая сквозь стекло, как я строчу бесконечные бумаги с грифом «секретно». Низ карасьего пуза так и остался белым.

Когда мы расстались и как сложилась его судьба – вообще не помню!

Давно было.

Сенькина жизнь

– Начните с головы, голубушка, – сказал доктор, стараясь дышать в сторону.

Медсестра Грета Петровна, мужиковатая женщина неопределенных лет, ножницами разрезала многочисленные бинты и, освободив голову, бросила объемный красно-белый комок в пустое ведро. Для работы с головой, вместо положенного скальпеля, обычно применяют остро заточенный, закругленный кусок полотна от ножовки по металлу – точная копия того, что используют карманники, обрезая в трамваях сумочки. Вместо рукоятки на этот обломок щедро наматывается синяя изолента – и вот инструмент готов. Приподняв голову, Петровна безошибочно находит место над ухом и делает глубокий непрерывный надрез, обводя всю волосистую часть головы к другому уху. Этот участок кожи рывками отдирается от черепа вперед и как маска закрывает лицо умершего. Пилить череп зовут ассистента – вот мозг уже вынут и лежит в кастрюльке, – сейчас доктор начнет его строгать ломтиками, как бастурму, и дойдет до пули. Ассистент приступает к грудной клетке – вот снята кожа, ребра перекушены, и грудь с хрустом открыта, как залипшая кухонная форточка весной. Петровна немедленно просовывает туда покрытую рыжими волосами руку с кривым скальпелем, ведет ее вверх вдоль пищевода к шее и наконец, отработанным движением, делает разрез полукольцом, чтобы освободить от гортани и ухватить изнутри язык. Обрезаются на ощупь хрящики, спайки, затем сильный рывок за язык книзу – и вот все внутренности – пищевод, желудок, тонкий и толстый кишечника – отделены, они помещаются в эмалированный таз. В соседний таз кладут легкие и печень, а в мертвом теле остается лужа кровавой жидкости. Петровна поворачивает труп на бок и трясет – жижа устремляется в специальный желобок, что проложен по обеим сторонам металлического стола. Мучимый похмельем, старый доктор копается в тазах, составляя отчет. Через час заключение готово. Все вынутое, включая искромсанный мозг, кидают в пустой живот и зашивают, сильно затягивая шов. Из ведра вынимают ком грязных бинтов, впихивают в череп и тоже зашивают.

Про Петровну в больнице говорили, что она не вполне баба, а больше как гермафродит. Как-то 7 ноября она сильно напилась после демонстрации, и домой ее повез шофер скорой Портнягин. Примерно с полгода мужики перемигивались, а Портнягин краснел и повторял:

– Да нормальная баба она! Как все!

А с другой стороны – ну что ему ещё оставалось говорить?

* * *

– Гадкий ты, – шептала Сеньке мать, тихо смеясь, – гниленький такой врунишка.

И обнимала его нежно. А Сенька многословно, захлебываясь словами, тархтел, что он не хотел лезть через забор, он отказывался – но пацаны ж не поймут!..

Откуда в нем этот талант – врать, а после так убедительно оправдываться? Адвокатом будет, подонок, – улыбалась она. Странно все же – папаша его и двух слов связать не мог. Впрочем, кто именно был отцом подростка, она наверняка не знала – буфетчицей же работала! На автовокзале.

Семен, между тем, подрастал. Друзей, верных друзей, какие бывают только в детстве, у него почему-то не образовывалось, хотя с людьми он знакомился легко. Впрочем, это его не беспокоило, ведь друзья – это ответственность какая. Их выручать приходится, делиться с ними. Нет – Сене и так было неплохо. В школе он успехами не блистал и после восьмого класса поступил в техникум, здраво рассудив, что в институт ему не пройти – чего же тогда время терять. Как многие сверстники, он вскоре пристрастился к фарцовке, но без хорошего стартового капитала раскрутиться было сложно – вертелся на перекидке мелких партий фирмен-

ных пакетов, жвачки, иногда джинсов. Обычная, короче, жизнь обычного подростка с окраины столицы.

Необычное началось с армии, куда его после отсрочки все же призвали. Совершенно случайно замполит части проходил мимо ленинской комнаты, где в этот момент распекали четверых солдатиков. В вину им вменялась порча армейского имущества – они вытряхнули содержимое висящего на противопожарном стенде огнетушителя, а внутри завели брагу. Но недоглядели – бражка перебродила, пеной сорвало крышку, и возник скандал. Рядовое, в общем-то, происшествие – ничего особенного, армейская рутинка. Внимание же замполита привлек звонкий голос и взволнованная речь одного из нарушителей – рядового Семена Квитко, служившего при кухне и продавшего самогонщикам сахар. Вдохновенно, нагло и убедительно врал солдат. Врал про «никому все равно не нужные» ягоды из компота и про раскаяние свое глубокое тоже врал задушевно. Замполит прислонился к стенке, глаза его мечтательно закатились. Он незамедлительно потребовал дело демагога, и вскоре Квитко стал... комсоргом части. Он произносил зажигательные речи, обличал отстающих и воспитывал отличников боевой и политической подготовки.

«Гнилой он какой-то, – размышлял ироничный замполит, сидя в президиуме на расширенном комсомольском собрании, – но, сука, создан для нашего дела. Да и где найдешь такого вдохновенного пиздобола? Поёт с трибуны – будто сам верит в пришествие коммунизма, гандон!»

Был у нового комсорга один недостаток – не любил он рутину. Отчетность, заполнение справок, протоколов собраний и прочих документов утомляло его необычайно, в то время как выступление перед личным составом, напротив, – заряжало энергией.

– Вызывали, товарищ подполковник?

– Да. Зайди, закрой дверь. Вот тебе бумага – пиши заявление.

– Вы имели в виду рапорт?

– Нет. Заявление и автобиографию. Будем в партию тебя принимать.

Однако вступать в партию сержант отказался категорически. Армия закончится, – рассудил он, – а взносы надо будет платить до самой смерти. А у меня мама на руках.

– Ух ты ж ушлый крысёныш! – опешил замполит. Он никак не ожидал такой реакции.

– Мама, судя по твоему личному делу, заведует столовой, что по жизни за высоким заббором нашей части приравнено к заведующему кафедрой, доктору наук. Она сама половину роты может содержать. Но печалит, сержант, меня другое. Печалит непонимание перспектив. Как можно принадлежность к передовому классу советского общества измерять суммой партвзносов?

Не по зову души, конечно, хлопотал подполковник, а исключительно для своих показателей – выдвижение кандидата в члены КПСС из рядового состава ценится руководством. С офицерами-то все понятно – они пишат, да лезут в партию, а вот из призванных солдатиков, как правило, никто идейностью не блещет, а если блещет – то идейность ихняя проистекает из полного отсутствия мозга.

Пришлось этому скользкому юноше объяснить, что в противном случае ему придется продолжить службу простым солдатом в приполярном городе Надым.

– Вот, – кивнул головой циник на перевернутый лист меню офицерской столовой, – раз-нарядка пришла на тридцать человек. Ты, кстати, не знаешь – где этот город – Надым?

И стал Семен кандидатом, а перед самым дембелем был принят в коммунисты. С тем и ушел в полную неизвестность – на гражданку. В поезде он рассеянно листал свои бумаги – характеристику, направление в Челябинское танковое училище, где его должны были принять без экзаменов, протокол партсобрания и решение о выдаче ему рекомендации еще куда-то... Армии наш герой больше не хотел ни в каком виде. И это притом что десятки его сослуживцев

пошли бы на все, чтобы иметь хоть часть этих документов. Тяжело вздохнув, Семен бросил папку на дно чемодана.

Он уже знал, что мать в его отсутствие стала сожительствовать с блатным, что места в их квартире для него больше нет и что ему предстоит поселиться у бабушки в Одинцово. Гурген, так звали блатного, источал чувство вины, которое вылилось в умопомрачительную сумму в пятьсот рублей. Деньги эти он назвал «подъёмные» и вручил Сеньке в первый же день. Квартира матери теперь напоминала музей подделок и безвкусицы – золотистые шторы, хрусталь, аляповатые люстры чешского стекла. Вечная хохотушка мать тоже изменилась – теперь она могла внезапно сорваться в слезы, в истерику. Если бы кто-нибудь спросил дембеля – чем пахнет в квартире? – тот не задумываясь ответил бы – тюрьмой, хоть никогда там и не был. Именно из-за этого ощущения скорого краха он категорически отказался выписываться. Закроют маму – квартира пропадет.

Устраиваться на работу бывший сержант не спешил – принялся фарцевать, но через полгода его разыскал участковый и предупредил об уголовной ответственности за тунеядство. Семен показал партбилет, чем вогнал старого капитана в ступор – он тут же порвал все бумаги и ушел, а тунеядец все же принялся искать работу. И нашел – он стал инкассатором. Работа эта была на редкость бестолковая и унижительная. На смене требовалось носить форму, фуражку и наган, но Семен был принят «на замену», то есть без постоянного маршрута. В этом качестве набиралось не более 7–8 рабочих дней в месяц, что позволяло безбоязненно фарцевать.

– Семен-джан! – Гурген смотрел в сторону, поправлял мокрый от пота воротник. – Нужны бабки на адвоката. Маму твою под подписку выпустили, но, похоже, арестуют в оконцовке.

– Были бы бабки, разве надел я когданибудь вот это, – Сеня снял с вешалки фуражку с зеленым околышем.

– Что? Так плохо? Совсем? – захолопал ресницами носатый. – А те 500, что я тебе после дембеля дал?

Но Сеня только руками развел. Дали матери три года, и он вернулся в квартиру, а через год его самого приняли. И вовсе не за спекуляцию.

Был у него постоянный покупатель из Челябинска. Своего рода оптовик. Прилетал раз в месяц и выгребал все, на чем можно было заработать, даже видеокассетами не брезговал. В этот раз он ничего брать не стал, а попросил поддержать его деньги – пять тысяч рублей.

– Я, – сказал, – хочу недельку побухать в Белокаменной и оттянуться, а дела с тобой мы перед отлетом сделаем.

И забухал, и исчез. Вдруг звонок в ночь на воскресенье:

– Сёма, выручай! Я в трезвак залетел, документы потерял где-то, и меня сейчас в спецприемник увезут. Возьми шутику из моего бабла – приедь и выкупи меня. Я договорился уже.

Вытрезвитель оказался совсем недалеко.

– Что вы, что вы, – засмутился дежурный, увидев свернутые колбаской деньги в кулаке, – ну не здесь же! Впрочем – считайте!

– Что считать? Зачем? – опешил Семен, спинным мозгом поняв, что сейчас произойдет. Он разжал кулак, ловко, как футболист, запнул рулончик с деньгами под стол дежурного и повернулся, чтобы быстро уйти. За спиной улыбались двое в гражданском, и еще одна женщина снимала происходящее на видеокамеру. RCA, BetaCam – определил фарцовщик и сел прямо на заплыванный пол.

* * *

– Какая же тут, как вы выражаетесь, «подстава»? Неужели вы всерьез считаете, что народный суд отвергнет наши показания, видеоматериалы, свидетельство вашего подельника,

деньги, наконец?? Вы действительно верите, что у советского судьи есть в лексиконе это слово – подстава? – задумчиво говорил «хороший» следователь.

– Кем ты, пидарасина, себя мнишь?? – кричал, брызгая слюной в глаза, «плохой». – Я лично прослежу, чтоб ты в туберкулезной камере по запарке оказался! Откинешься, сучара – жопу рваную залечить не успеешь, как от тубика сдохнешь, мразота! Это если откинешься...

– А ведь мы, Семен Александрович, давно к вам присматриваемся. Вы ведете вызывающе антиобщественный образ жизни – эти несанкционированные контакты с иностранцами, нетрудовые доходы, спекуляция. Да и товарищи ваши, по совести сказать – все сплошь анти-социальный элемент...

– Тебя, гнида, отпидарасят еще в СИЗО. Будешь под шконкой щемиться, чинарики собирать. Ложечку тебе выдадут с дырочкой. Погоняло получишь – Сарочка. Как тебе? А потом этап. Этап с твоей статьей еще выдержать надо, Сара...

– Вот уже утро, Семен – вся наша советская страна проснулась и спешит на работу. Почему же мы до сих пор с вами беседуем? Почему вы не в камере следственного изолятора? Правильно! Только потому, что вы – член КПСС. Извините, коммунистом вас назвать у меня язык не повернется. Тем не менее, я полагаю, хотя коллега мой с этим категорически не согласен, что вам нужно дать шанс. Нас интересует целый ряд лиц из вашего окружения...

* * *

Так Семен Квитко стал агентом «Ныров». Стучал он последовательно и аккуратно. В ходе одной оперативной комбинации под надуманным предлогом он был направлен на квартиру знакомого – известного коллекционера антиквариата. Задание было простое – досидеть там до начала обыска и посмотреть, куда хозяин квартиры скинет валюту. Через полчаса в дверь действительно стали ломиться менты. Перепуганный профессор вынес из спальни грязный холщовый сверток, ловко перебросил его на балкон соседней квартиры и только после этого открыл дверь. Семен попал в понятия и глазами показал старшему, куда улетели доллары. Это происшествие имело неожиданное продолжение – Сергей Николаевич, тот самый «добрый» следователь, а теперь куратор Семена, заехал за ним на машине и отвез в известное здание справа от «Детского мира». Так «Ныров» узнал, что работает он вовсе не на УБХСС, как всегда считал, а на другую организацию. В большом и пустом кабинете ему вручили грамоту с тисненым барельефом Дзержинского, правда тут же отняли, объяснив, что храниться она будет в его личном деле.

Вскоре освободилась мать, и ему пришлось вновь съехать с квартиры. Денег у него теперь было достаточно, и Семен смог снять однушку на Плющихе, прямо за отелем «Белград». Жизнь текла в достатке и относительном спокойствии, пока году, кажется, в 1985-м его опять не отвезли на площадь Дзержинского и не предложили выйти на работу в Хаммеровский центр.

– Что ж я там буду делать?

– Ничего сложного. Просто ходить в холле, иногда что-то подсказать гостям, иногда проводить, иногда вызвать милицию. Ничего сложного.

– Весь вечер на манеже, значит? А как же эта должность называется? Половой? Ковровый? – Сеньке жуть как не хотелось вливаться в унылый класс совслужащих.

– Ассистент администратора это называется, – с металлом в голосе негромко сказал Сергей Николаевич.

Так Семен Квитко вытянул свою счастливую карту. Он встречал, улыбался, провожал и вновь встречал гостей Совинцентра и совершенно стал незаменим. Лексикона фарцовщика на первых порах вполне хватило, но он стал посещать курсы и расширять словарный запас самостоятельно. Финский шел не очень, но, например, по-сербски он изъяснялся почти свободно. Иностранцев он нимало не смущался – одним словом, вписался как родной. Ну и фарцевал

попутно – как без этого? Он не боялся больше этого табу и ужаса-ужаса всех спекулянтов – валюты. Ясно было, что Контора отмажет – слишком уж он ценный информатор, агент Ныров. Очень приличный доход несли проститутки – Сенька их отбирал самостоятельно, сам единолично решал – кого впустить в Центр, кого нет. Со временем у него образовалась своя бригада путан, и тут открылась еще одна ниша – наводки. Путаны обладали уникальной информацией о квартирах своих богатых московских клиентов – Семен начал торговать этими данными. Так он завязался с бригадой очень осторожных и продуманных квартирных воров из Ярославля и несколько лет был у них наводчиком. Свою долю брал всегда только деньгами – никаких шмоток с краж, никакой электроники, никакого золота. Конечно же, этой стороной своей жизни он с чекистами не делился. При этом был очень внимателен и никогда ни в чем не отказывал своим кураторам, четко выполняя поставленные задачи. Задачи эти были разные и большей частью ему непонятные – познакомить какого-то специального человека с иностранцем, подвести определенную путану к названному объекту, купить валюту у заграничного гостя, расчитавшись особыми рублями, полученными от куратора, и прочее подобное.

Так легко, приятно и без заморочек катилась Сенькина жизнь, а вместе с ней к концу социализма катилась огромная страна. В новой, наступающей жизни старший администратор ЦМТ Семен Квитко ничего не понимал – происходящие перемены вселяли в него ужас. Сначала он утратил свой недостижимый, свой надежный щит – статус парторга Совинцентра. Не потому, что перестал быть коммунистом – просто схлопнулась сама партия. Сенька разом стал уязвим. Куда-то пропали кураторы из КГБ, а вместе с ними уверенность в гарантированной отмазке. Зато с утра до вечера в «Венском кафе», разогнав путан и забугорных гостей, блатные всех мастей вели свои тёрки. Вскоре Центр начали делить кавказские группировки. Перепуганный администратор помчался к матери, но Гурген давно от нее съехал, хотя продолжал навещать и помогал деньгами. Мать позвонила, попросила зайти.

– Гургенчик! Что ж вы мутите-то, Гургенчик?? Угробить Центр хотите? Зачем??? Что же это, а? А мне куда податься?

– Не блажи, инкассатор. Кавказ большой и разный, а мы не при делах – там чечены с абхазами рубятся.

– Так как же... К кому подойти, Гурген?

– Я не в теме.

И настали, как выразился бы классик, окаянные дни. Комсорг, парторг, сутенер и наводчик жил как в тумане. Этот быстрый и жестокий мир его не принимал. Найти в нем место Квитко не мог. Он стал жить с одной из своих подопечных Яной. Не по любви, конечно – просто одному стало страшно. От нее-то он и узнал о надвигающейся катастрофе.

– Снежанку на гавно вывезли, – бросила она вечером как бы невзначай.

– Как??? – похолодел Семен. – За что???

– Не знаю, но все девочки уже в теме.

«Вывезти на гавно» означало утопить труп в подмосковном очистном комплексе. По слухам кислотность там такая, что даже от медных пряжек ремня остаются лишь тонкие проволоочки.

Собственно же наезд произошел утром следующего дня. Сенью крючковатым пальцем поманил авторитетный боевик Муса, целыми днями протирающий штаны в «Венском», и жестом пригласил сесть напротив. Ни слова не говоря, он ловко вынул из внутреннего кармана сенькиного пиджака авторучку, написал на салфетке цифру и подвинул ее ошалевшему администратору. Глядя в сторону и кому-то улыбаясь, Муса отчетливо произнес:

– ЭТО нужно вернуть Саиду. ЭТО взято из его хаты. А навел ты. Через Снежану навел. Тсс... – Он быстро положил свой палец на открывшиеся для оправданий губы перепуганного администратора. – ЭТО принеси сюда и отдай мне. Ничего тебе не будет. Директором поставим. Иди.

Как он добрался домой, Квитко не помнил. Несколько часов его мучила изматывающая икота, затем окончательно накрыло отчаяние. В дверь позвонили, и по спине побежал холодный пот. Но это пришла Яна.

– Уходи отсюда. Прямо сейчас. Собери вещи и уходи.

И Яна уехала во Фрязино к маме и к маленькой дочке.

А деньги Семен собрал. Все до копейки собрал и принес Мусе. Но директором его не сделали, а совсем наоборот – перестали замечать, и бывший наводчик этот сигнал прочитал правильно. Он все бросил и стал прятаться у бабушки в Одинцово. А сдал его Гурген. И вот в торце этой панельной девятиэтажки появилась вишневая девятка жигулей. За рулем сидела Янка – руки ее непрерывно дрожали, на лице лежал толстый слой тонального крема. На заднем же сиденье расположились двое бродяжек. Длинного звали Аркан, а мелкого Федькой. Оба нестерпимо воняли. Янка извела на них весь свой парфюм и сейчас горевала у опущенного окна. Зимний ветер охлаждал измученное лицо, все мысли были о дочке, которую пообещали увезти в аул, если она не выполнит. А она выполнит – выбора у нее нет.

– Теть! Теть! Вот она – «Волга»! – заверещал мелкий. А Аркан был глухонемой – мог только мычать. Ему предстояло выполнить задание и бросить на месте пистолет, но Аркан не дурак оружием разбрасываться! Аркан знает, кому его продать можно. Аркан... – тут он ощутил толчки в бок. Женщина с переднего сиденья протянула ему пистолет и жестами показала, что затвор тянуть не надо, ничего нажимать не надо – только направить и потянуть спуск. Но Аркан не дурак – знает что почем. Прижав пистолет к груди, он бочком-бочком, но довольно быстро побежал к подъезду, Федька еле поспевал за ним.

А убитый запарковал свою кремовую «Волгу» – когда-то предмет зависти всех его знакомых, от блядей до гэбэшных кураторов, и медленно пошел к подъезду, сжимая в кармане длинный гаражный ключ. Москву захлестнули квартирные кражи – вот и у бабули в подъезде отчаявшиеся жильцы поставили замок.

Какой все же кошмар происходит, сокрушенно подумал он, глядя на парочку грязных подростков в чьей-то большой, заношенной одежде. Разве такое могло быть раньше? Теперь он всегда, 24 часа в сутки, жил в «раньше» – путешествовал там мыслями, приукрашивал, идеализировал... тем и спасался от сумасшествия.

– Я знаю, что холодно, но в подъезд вас, парни, не пу...

Охнул, упал на бок, забил судорожно затылком о бетон и вдруг начал делать круговые движения одной рукой, словно плыл на спине. Обратно. В «раньше»...

Федька зачарованно смотрел на эти конвульсии, а по ногам у него текло тёплое. Очнулся он от гортанного, необычного крика глухонемого. Как слонёнок кричит, – очнулся Федька. Когда-то, в другой жизни, мама брала его в зоопарк. А может, он в детдоме по телевизору слышал. Янка смотрела, как к ней по снегу, хлопая лапами курток с чужих плеч, бегут дети – у каждого изо рта вырывается пар. Федькино облачко поменьше, у Аркана побольше. По договору она должна была отвезти их на дальнюю теплотрассу, но уже не было ни сил, ни нервов – Янка кинула на снег деньги и нажала на газ.

Свердловский зоопарк сквозь судьбы Родины

Именно там, под истерические крики павлинов и хохот гиен, началась моя недлинная трудовая карьера. Я работал ночным сторожем. Бревенчатая будка отапливалась дровами – поленья потрескивали, на мерзлых торцах их появлялись пузырьки и пар, огонь бросал на стены причудливые тени... Нигде и никогда не спал я так крепко, так беззаботно, как в том далеком зоопарке за полноценные 95 рублей в месяц!

– Твои волосы костром пахнут, – восхищенно шепчет мне подруга на лекции. Я ее не слушаю, так как увлечен расчетами – если к стипендии прибавить зарплату сторожа и доход от фарцовки, то обнаружится, что институт заканчивать... невыгодно! Кто же даст молодому специалисту, инженеру-технологу, больше 120 рублей в месяц? Да нет таких зарплат. А сейчас я при бабках, уважении и романтическом запахе костра...

Но всё хорошее когда-то заканчивается – скоро я получу диплом и уйду в жизнь без павлинов, где сон прерывист и неровен, где денег за него никто не платит.

Но это всё потом. А пока, срыхнув снег с полена, я закидываю его в печку и заворуженно смотрю на огонь. В криво прибитом радио негромко шепелявит Брежнев. Кажется, хвалит хлеборобов Кубани, а может, и рыбаков Заполярья – речь его непонятна и наполнена шипящими, будто он поляк. Очень старый, изможденный, совсем изношенный, никуда не годный поляк.

Далеко в павильоне рычит-жалуется на судьбу лев Руслан: ему опять достались одни кости да мослы – кормчая, дрянь, посрезала всё мясо. Ничего – наемни я видел, как он, молниеносно высунув из клетки лапу, когтем подцепил большую бурую крысу, бежавшую по канавке вдоль клеток. Не пропадет уральский лев Руслан. И я, наверное, не пропаду.

Снаружи бесшумно, крупными хлопьями валится белый снег. К часу ночи все стихает. В сторожке тепло и кажется, что жизнь будет вечной...

Умер Брежнев

...Помню, погода в этот день была мерзопакостная – холодно, сыро, слякотно. Оттого приехать вечером домой было особенно приятно. Дома были пельмени. Думал – начну сейчас их лопать в тепле и уюте, да приобщаться через телевизор к сокровищнице советской эстрады – Пугачёва там, Кобзон, Лещенко...

Телефона у меня еще не было. Таких как я поднимали "по цепочке" – дежурный звонил тем, у кого был установлен домашний телефон, а уж они были обязаны пешком обойти и оповестить всех сотрудников, что живут неподалеку. За мной пришел поддатый и вечно хмурый участковый Нечаев – он потом повесился, но никто не знает почему.

– А чо за тревога-то? – спрашиваю. – Учебная или как?

– Или как. Брежнев воткнул.

– Чего воткнул? Куда? – растерялся я...

В коридорах ОВД висел стойкий запах перегара, и казалось, что качается само здание райотдела – такого огромного количества пьяных в милицейской форме я ни до, ни после уже не видел!

И то сказать – объявить тревогу в День милиции! Выдернуть из-за стола в самый-самый праздник! Общее настроение, тем не менее, было благостное – все понимали, что тревога объявлена лишь техническая: так положено, раз главный вдруг помер. Зато не придётся проверять чердаки и подвалы, либо мерзнуть в оцеплении. Никто не грустил, не было и ощущения смены эпох. Утром всех отпустили по домам, велел вернуться в 2 часа, но мало кто пришел.

Потерпевшим во всей этой истории оказался влюбленный опер Валера Куренной. У Валеры на пятницу в ресторане "Большой Урал" была назначена свадьба, но её, как и другие подобные мероприятия по всей стране, отменили и перенесли в связи с объявленным в стране трауром.

Он, впрочем, потом всё равно развёлся...

Римма

В далеком 1980-м Римма Исакова вместе с дипломом Свердловского пединститута получила распределение в поселок Ромашково на севере области. Четырнадцать часов на поезде, потом автобусом. Поселок этот представлял собой унылую россыпь черных двухэтажных барачков да частных домов. Было, правда, там и свежее здание белого кирпича – Шахтоуправление, еще несколько панельных пятиэтажек, а больше там не было ничего: лишь грязь да огромные комары. Поселкообразующим предприятием были две глубокие шахты, куда в железных клетках посменно опускалось все мужское население. По странной логике в относительно опрятных пятиэтажках расположились общаги, а, например, такое важное учреждение, как школа, – занимало деревянный барак. В соседнем, еще более запущенном и обитом гнилой вагонкой бараке разместились милиция, дальше по улице – поликлиника. Даже райкомы КПСС и комсомола ютились в бараке, правда, выбеленном известью. Римма не была избалована комфортом – она родилась и выросла на окраине уральской столицы, тем не менее от вида места, где ей теперь по закону полагалось отработать три года, сделалось зябко и захотелось немедленно уехать обратно. В общежитии новоприбывшей выделили отдельную и очень светлую комнату на последнем, пятом этаже, прямо напротив душевой, и Римма несколько успокоилась – ну что такое три года отработки, когда тебе только двадцать два? Мухой пролетят! А там можно будет вернуться в Свердловск или еще куда поехать – да хоть в Москву или даже на юг!

В школе, кроме указанного в дипломе преподавания истории, ей поручили вести уроки географии и биологии, о которых она не имела представления. Но начинать работу со скандала ей не хотелось, и Римма потихоньку втянулась в учительскую рутину. Через месяц, узнав, что у молодой учительницы есть разряд по лыжам, ей поручили еще и физкультуру. Дело в том, что преподаватель труда был склонен к запоям и в такие периоды пропавшие часы заменялись физкультурой – вот эти непредвиденные занятия и поручили молодому специалисту Римме Исаковой. Выгнать же трудовика было совершенно немисливо – он потерял ногу на войне, и теперь какой-то маршал дважды в год присылал на адрес школы персональные поздравления. Ну как такого уволишь?

Ученики были не сахар, но в целом управляемы – гораздо хуже обстояло дело со взрослыми. С таким повальным, безнадежным алкоголизмом Римма столкнулась впервые. В дни, когда на шахте выдавали получку или аванс, поселок напоминал поле битвы: пьяные валялись у подъездов, на скамейках, автобусных остановках, на детских площадках. Особенно много их было за гаражами, где пролегал самый короткий путь от школы до дома – в такие дни, чтобы избежать неприятностей, молодой учительнице приходилось делать солидный крюк.

За этими гаражами и случилось первое несчастье. Обычно там, на импровизированной скамейке из бревен, в окружении нескольких алкашей сидел коренастый парень с колючими глазами. Звали его Гендос – в детстве, наверное, был Геной. Поначалу Римма, торопливо проходя по натопанной тропинке к себе в общежитие, слышала брошенные вслед смешки и поганные реплики, но вскоре это прекратилось – видно, Гендос запретил своим шестеркам открывать рот, и она шла в полной тишине, чувствуя спиной его сверлящий взгляд. Все это было очень неприятно, но нагрузка в школе была приличная – после тяжелого дня совсем не хотелось идти длинным путем через улицу Калинина. В тот злополучный вечер Римма, как обычно, спешила домой и боковым зрением заметила, что Гендос сидит на скамейке один без привычного антуража, смотрит в землю, нервно хрустит пальцами. Учительница прошла дальше, а он, бесшумно поднявшись, по-кошачьи побежал за ней и с силой ударил кулаком в основание головы – там, где шея переходит в затылок. Римма упала лицом вниз, но через минуту пришла в себя – одежда на ней была закинута вверх, трусики порваны, а сзади судорожно бился Гендос, пытаясь пропихнуть свой член, но у него ничего не получалось. В конце концов он кончил

ей между ног, встал и растворился в сумерках, а Исакова, поднявшись, побежала в общагу. Она долго-долго плакала под горячим душем, бесконечно намыливая и смывая места, к которым прикасался подонок. В милицию решила не обращаться, ведь даже девственность не была утрачена...

Злосчастные гаражи она с тех пор обходила стороной. Характер Риммы изменился – теперь она нередко кричала на учеников, а двойки ставила не задумываясь. Кроме того, написала письмо в Свердловск своей хворой запущенным диабетом матери, в котором потребовала, чтобы та срочно оформляла инвалидность. Под предлогом ухода за больной матерью Римма рассчитывала прервать обязательные три года отработки и вырваться из этого зоопарка, как она стала про себя называть поселок. От всех дополнительных нагрузок в школе она теперь спокойно, глядя директору прямо в глаза, отказывалась – по «Положению о молодых специалистах» уволить ее все равно было невозможно.

Настоящая катастрофа случилась через полтора месяца. Однажды поздно вечером в дверь ее комнаты постучали. Обычно Римма спрашивала – кто там? Однако в этот раз стук был отчетливо-требовательный. «Комендант», – решила она. И открыла. В комнату быстро и пружинисто вошел Гендос и тут же запер дверь на торчащий в скважине ключ. Римма открыла было рот, чтоб закричать, но получила сильный удар кулаком в живот и стала задыхаться, в глазах потемнело. Гендос скинул с кровати на пол матрас и бросил на него свою жертву. В этот раз в кармане у него был тюбик детского крема, и он долго, с перерывами насиловал учительницу, замотав ей голову простыней. Ушел бесшумно, аккуратно прикрыв дверь. И вновь Исакова плакала и кусала губы под горячим душем. И вновь не решилась пойти в милицию. Воображение рисовало ей большой зал суда, где прокурор всему поселку подробно рассказывает, как именно она была изнасилована. Невыносимо было даже думать об этом...

К работе она утратила всякий интерес, уроки вела чисто механически, а звонку радовалась не меньше учеников. Все это время она отчетливо понимала, что Гендос появится снова, ведь в милицию она не обратилась. Однажды после занятий она спустилась в мастерскую к трудовику:

– Григорий Матвеич, сделайте мне пику.

– Что за пику? Может, нож сделать красивый? – обрадовался трудовик. Фронтоник был очень совестлив – знал, что Римма бежит с учениками в сквере, когда он запыет, и очень хотел что-нибудь для нее сделать.

– Нет. Мне нужна именно пика, короткая и очень острая.

Далее она поведала инвалиду почти правду. Сказала, что с работы идет за гаражами и на нее нападают собаки. Убить псину ей жалко, а ткнуть острым, чтоб не лезли, – самое то.

Через пару дней счастливый трудовик изготовил для нее изумительную трехгранную и очень острую пику длиной с обычную финку, с наборной ручкой, загнутой, как у старинного пистолета. Римма начала готовиться к визиту. Поздно вечером, когда вся общага укладывалась на казенные сетчатые кровати и хождения по коридору прекращались, учительница отработывала два движения – левой рукой резко распахивала дверь, а правой вонзала в темноту коридора свое оружие. После этого, раздевшись, она долго не мигая смотрела в потолок и, наконец, засыпала. Гендос, однако, не появлялся...

В пятницу 6 ноября 1981 года в учительской разливали шампанское и пили чай с принесенными самодельными тортами. Часов в семь стали расходиться. Исакову проводил до общаги смешной женатый раздухарившийся математик. Распрощавшись перед дверью, в хорошем настроении она поднималась по лестнице, как вдруг между четвертым и пятым этажами увидела пьяного Гендоса с каким-то нервно хихикающим приятелем. Они ждали ее.

– Пять минут, – сказала она каким-то незнакомым голосом. Парочка осталась в коридоре, а она зашла к себе. Через минуту-две в дверь постучали.

Отворив замок, Римма левой рукой распахнула дверь, а правой по самую кривую ручку с хрустом всадила пику в грудь Гендоса – в самую середину. Разжала пальцы и быстро закрыла дверь, провернув ключ на два оборота. Затем разделась, легла в постель, свернулась калачиком и погрузилась в глубочайший сон, характерный для состояния аффекта.

Гендос, надо отдать ему должное, пику вынуть не пытался – рефлекторно схватил ручку левой рукой, да так и не отпускал. Он не кричал, не стонал, не жаловался, а, опершись на плечо своего позавчера откинувшегося приятеля Кисы, часто и прерывисто дыша, спустился до второго этажа, где сел на пол, прислонившись спиной к стенке. Просидев тихо с полминуты, Гендос увидел, как от чугунной батареи на противоположной стороне коридора по грязному кафелю, улыбаясь, ползет к нему Смерть. Он отчаянно засучил ногами, пытаясь ее оттолкнуть. Затем завалился на бок, страшно захрипел, закатил глаза и затих.

Киса этот, хоть и числил себя блатным, в ментовке заговорил и в деталях поведал всю историю о том, как Гендос по случаю Кисино освобождения хотел «угостить» последнего учителькой и что из этого вышло. К слову, заговорил он во многом благодаря тому, что два дежурных опера принялись бить его по почкам кусками толстого телефонного кабеля. Были они, как и вся большая страна в этот праздничный вечер, тяжело пьяны и анализировать Кисины фантазии настроения не имели – их интересовало скорейшее раскрытие преступления.

Римма не слышала шума в коридоре, не разбудил ее и громкий стук в дверь. Проснулась она, лишь когда поднятый ментами комендант общаги открыл дверь дубликатом ключа и стал трясти ее за плечо. В милиции она все честно и подробно рассказала, после чего ее «оформили по сотке», то есть задержали на трое суток в соответствии со статьей 100 УПК РСФСР и увезли автозак в Североуральский ИВС – изолятор временного содержания, или по-старому в КПЗ. По дороге она еще не вполне осознавала весь ужас происшедшего, но, когда автозак въехал внутрь здания и за машиной стали со скрежетом закрываться гигантские железные ворота, ее охватил ужас. В камере, однако, оказалось тепло и нестрашно, больше того – тут ей сказочно, просто невероятно свезло. Везенье явилось в виде толстой, неопрятной, многократно привлекавшейся цыганки Хавы – жены сапожника-ассирийца и матери одного из учеников Исаковой. Больше в женском отделении не было никого, хотя мужские клетки были, как и положено в праздничный день, забиты до отказа. От смертельной ли камерной скуки, от врожденных понтов либо просто от желания помочь перепуганной учительнице, но Хава приняла деятельное участие в судьбе новой соседки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.